

Проблемы развития личности в науке, практике и государственной политике

Валерия Мухина

ИДЕИ И СВЕРХИДЕИ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ И БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

***Аннотация.** Обсуждается значение понятия «Великое идеополе общественного самосознания», в контексте которого рассматриваются идеи и сверхидеи относительно видения человека как личности. Обсуждаются значимые для видения феноменологической сущности личности, ее развития и бытия исходные позиции, вырастающие из марксистских идей о сущности человека как совокупности всех общественных отношений. Кроме того, внимательно анализируются идеи Э. Дюркгейма о влиянии социальной реальности, о социальном факте, о социальных ожиданиях, которые в отношении к поведению человека оказывают на него внешнее принуждение. Внимание акцентируется на том, что «типы поведения или мышления не только находятся вне индивида, но и наделены принудительной силой, вследствие которой они навязываются».*

Показана преемственность доминантно значимых идей представителями смежных наук: о влиянии социальных условий, о навязывании языка каждой личности (О. Конт, Л. Леви-Брюль, Л.А.Ж. Кетле); о связи между сигналами окружающего мира и центральной нервной системой (И.М. Сеченов, И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Дж.Б. Уотсон); о влиянии врожденных структур на психическое развитие и о значении

упражнений (дрессуры) и обучения (К. Бюлер) и др. Показано, что большинство этих исследований указывали на значение подражательности и обучаемости.

Обсуждаются новаторские идеи Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, которые, не оставляя без внимания значимые идеи предшественников, внесли в науку принципиально значимые откровения, касающиеся понимания феноменологии развития и бытия личности. При этом принципиальное значение имеет идея Л.С. Выготского, аккумулирующая четко сформулированные мысли предшественников о том, «что психическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности...».

Особое значение имеют идеи Платона и Аристотеля о середине и умеренности как добродетелях и благоразумии, что предполагает достижение человеком высокого уровня духовного развития и овладения собой.

Многие идеи великих мыслителей продолжают прорастать в историческом времени и развиваться в качестве составной части современных теорий о человеке как личности и в качестве слов-понятий развивающегося во времени языка.

Обсуждаемые в контексте настоящей работы значимые идеи должны лечь в основу современного понимания проблем развития личности в науке, практике и политике управленческих структур образования и науки Российской Федерации.

Ключевые слова: Великое идеопле общественного самосознания (В.С. Мухина); сущность человека есть совокупность всех общественных отношений (К. Маркс, Ф. Энгельс); развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов (К. Маркс, Ф. Энгельс); типы поведения человека наделены «принудительной силой», они «навязываются ему» (Э. Дюркгейм); «язык навязывает себя» (Л. Леви-Брюль); высшие умственные функции (О. Конт, Л. Леви-Брюль); высшие психические функции (Л.С. Выготский); внешние условия (И.М. Сеченов); внутренние условия (И.М. Сеченов); слово – вторая сигнальная система действительности, охранительное торможение (И.П. Павлов); личность – индивид, представляющийся самостоятельным существом (В.М. Бехтерев); вращение человека в культуру (Л.С. Выготский); воспитание высших форм поведения (Л.С. Выготский); социальные условия развития и бытия личности (1 – реальность предметного мира; 2 – природная реальность; 3 – реальность образно-знаковых систем; 4 – реальность социально-нормативного пространства; и – отдельно 5 – реальность внутреннего пространства личности) (В.С. Мухина); предпосылки развития: генотип; внутренняя позиция человека как личности (В.С. Мухина); сензитивность к воздействиям (В.С. Мухина); структурные звенья самосознания (В.С. Мухина); человек как социальная единица и уникальная личность (В.С. Мухина); подражательность и обучаемость; два уровня жизни: биологический и психосоциальный; значимое достижение

в развитии личности – овладение собой (В.С. Мухина); человек как социальная единица и как уникальная личность (В.С. Мухина).

Abstract. *Ideas and super-ideas concerning understanding of a man as a personality in the context of “Great Ideofield of social self-consciousness” conception is examined. Initial propositions originating from Marxist ideas of man’s essence as a set of social relations that are significant for understanding of phenomenological essence of personality, its development and being, are discussed. E. Durkheim’s ideas about the influence of social reality, about social fact and social expectations that exert an external compulsion on man’s behavior are analyzed as well. The attention is focused on the idea that “not only types of behavior and thinking are external to the individual, but they are endowed with a compelling and coercive power by virtue of which, whether he wishes it or not, they impose themselves upon him”. Continuity of dominant ideas in conceptions of representatives of related sciences is revealed: influence of social conditions, intrusion of language into every person (A. Comte, L. Levy-Bruhl, L.A.J. Quetelet); relations between signals of surrounding world and central nervous system (I.M. Sechenov, I.P. Pavlov, V.M. Bekhterev, J.B. Watson); influence of inborn structure on psychic development and about meaning of exercises (training) and education (K. Bühler), etc. Most of these researches stressed the importance of imitation and learning capability. Innovative ideas of L.S. Vygotsky and S.L. Rubinshtein, who did not ignore significant ideas of predecessors and introduced significant revelations concerning understanding of phenomenology of personality’s development and being into science, are discussed. In this connection L.S. Vygotsky’s idea that accumulates clearly defined ideas of predecessors that “the mental nature of man represents a totality of social relations transferred inside the person, into his functioning” has fundamental meaning. Special meaning has ideas of Plato and Aristotle about midst and frugality as virtue and discretion that will lead a person to a high level of spiritual development and self-control. Many ideas of great thinkers germinate and evolve ideas about a man as a personality and as words - notions of developing with time language as a compound part of modern theories. Significant ideas that are discussed in the context of the present work should form a basis for present-day understanding of personality’s development problem in science, practice and policy of administrative bodies in education and science of Russian Federation.*

Keywords: *Great Ideofield of social self-consciousness (V.S. Mukhina); essence of a man is a whole set of social relations (K. Marx, F. Engels); development of a person is conditioned by development of other persons (K. Marx, F. Engels); types of man’s behavior” are endowed with a compelling power” they are “imposed upon him” (E. Durkheim); “language imposed itself” (L. Levy-Bruhl); higher mental functions (A. Comte, L. Levy-Bruhl); higher psychic functions (L.S. Vygotsky); external conditions (I.M. Sechenov); internal conditions (I.M. Sechenov); word is the second signal system, protective inhibition (I.P. Pavlov); personality is an individual who is an independent creature (V.M. Bekhterev); man’s growing-in into culture (L.S. Vygotsky);*

cultivation of higher forms of behavior (L.S. Vygotsky); problem of cultural age (L.S. Vygotsky); social conditions of person's development and being (1 – reality of an object world; 2 – natural reality; 3 – reality of image-sign systems; 4 – reality of socio-normative space; 5 – reality of person's inner space) (V.S. Mukhina); premises for development; genotype; inner position of a man as a personality (V.S. Mukhina); sensitivity to influence (V.S. Mukhina); structure elements of self-consciousness (V.S. Mukhina); man as a social unit and unique personality (V.S. Mukhina); imitation and learning capability; two levels of life: biological psychosocial; significant achievement if person's development – regain self-control (V.S. Mukhina).

*Внимать, внять чему – жадно
поглощать слухом, усваивать себе
слышанное или читанное, устремлять
на это мысли и волю свою.*

Вл. Даль

История рождения
понятия «Великое
идеополе
общественного
самосознания»

Итак, я прошу моего читателя внять тому, о чем сейчас пойдет речь...

Понятие «Великое идеополе общественного самосознания» было введено мной в контекст обсуждения глубинной взаимосвязи сущностных *идей* и *сверхидей*, даруемых человечеству мыслителями в отношении понимания феноменологической сущности человека в качестве личности [1, с. 34].

Я не устаю размышлять над описанным мной феноменом – и в каждом новом издании монографии ввожу поправки и уточнения*.

В апреле 2009 г. после доклада, сделанного мной в Отделении психологии и возрастной физиологии РАО, выступил Вадим Артурович Петровский, уникальной оригинальности мышления которого я не перестаю восхищенно удивляться.

Видение феномена
идеополя
В.А. Петровским

Для меня чрезвычайно значимо видение феномена Великого идеополя общественного самосознания В.А. Петровским. По поводу первого издания монографии «Личность: Мифы и Реальность...» мой замечательный оппонент писал: «Эта книга могла бы быть также названа: “Личность: феноменология жизненных сфер”». Авторское изображение личности представлено образами “со-присутствия” человека-в-мире и мира-в-человеке. Редкий для нас, пишущих о личности, способ раскрытия

* См. издания: 2-е, 2010; 3-е, 2013; 4-е, 2014 (исправленные и дополненные).

своего предмета! Автор предлагает читателю вместе с ним ощутить ценность того, что составляет контекст становления личности, опоры роста, мотивов развития, источников самостояния. В поле нашего зрения – внешние и внутренние условия генеза и динамики личности. Речь идет, прежде всего, об исторически сложившихся в человеческой культуре мирах. Таковы: реальность предметного мира; реальность образно-знаковых систем; природная реальность; реальность социально-нормативного пространства.

Возможность
унификации

Объединяя их все, автор вводит важный конструкт противопоставляющей качественно своеобразно каждого – и потому как будто бы невозможности логически корректного объединения – возможности унификации. Дает имя этому конструкту (пафос имени адекватен объему и значимости содержания): “Великое идеополе общественного сознания”. То общее, что составляет логическую основу объединения миров, заключает в себе идею знака, “знакового выражения”, отражающего в себе контексты миров, результаты практической и духовной деятельности человечества.

Великое идеополе
двойственно в своем
бытии

Не просто формулируется, но многообразно раскрывается притягательный в своей дерзости тезис: “Великое поле” двойственно в своем бытии; с одной стороны, оно включает в себя результаты совершенных и несовершенных деяний и действий людей; с другой стороны, оно представляет собой самостоятельную сущность, бытийствующую по присущим ей самой законам. Для меня это звучит так: любой “ход” на шахматной доске общественной мысли меняет все поле игры в целом: смысл и возможности фигур, стратегии игроков и даже число действующих лиц в перспективе игры. Поверх метафор читатель откроет для себя множество понятий, в которых автор раскрывает сущность вводимой им категории конкретно. Например, “большое историческое прошлое человечества”, “идеологическое поле общественного сознания”, “освоение социального и психологического пространства”, “социальная единица” и т.д. Каждое из понятий, я бы сказал, прорисовывается. На многочисленных примерах можно видеть: автор избегает абстракций, характеризуя предметы своего рассмотрения столь конкретно, сколь позволяют ему условия повествования.

Сила категории “Великое идеополе общественного сознания” обнаруживает себя в книге возможностью обобщения и введения новых представлений» [2, с. 8–9].

Значение категориального строя теории для науки и для перемен в общественном сознании

Несколько лет спустя В.А. Петровский пишет о «гамбургском счете» в науке, «хотя его никто еще не формализовал и вряд ли формализует когда-нибудь. Этот необъявленный счет основан на учете того, насколько труды ученого развивают категориальный строй науки, насколько нетривиальны факты, обнаруженные ученым, в какой мере его концепции и подходы выходят за пределы самой науки, затрагивая интересы многих людей, производя перемены в самом общественном сознании. И с этой точки зрения, то есть по гамбургскому счету, Валерия Сергеевна Мухина – на пьедестале.

Наука, включенная в социальную жизнь, – творящая жизнь наука

Её наука – это наука, включенная в социальную жизнь, творящая жизнь наука.

И в этой связи я хотел бы сегодня сказать о категории, которую ввела Валерия Сергеевна Мухина в науку, а через науку вводит в жизнь. В своей книге она показывает такие грани психологической реальности, которые непосредственно соприкасаются с гранями социального бытия.

Великое идеополе общественного самосознания

Это – категория “Великое идеополе общественного сознания” (или самосознания). Подчеркиваю: перед нами не просто поле *идей* (в обычном понимании их как “мысль”, “образ”, “фантазия”) и не просто *поле* (как область существования чего-либо); перед нами своего рода *силовое поле*, иначе говоря, область “идеальных форм” (Л.С. Выготский), творящих мир. Ибо *идея* – в точном, философском смысле этого слова – нечто большее, чем мысль, представление или фантазия. Это мысль, заряженная действием. Это то, что переходит на сцену жизни: сначала – в голове сценариста, потом – представление на сцене. Идея – иногда – фантазия, но не фантом. Это фантазия *воплощающаяся*» [3, с. 23].

В.А. Петровский писал по поводу феномена идеополя: «Перед нами то, что относится к классу *идей*, а целокупность таких *идей* очень точно и красиво описывается в работах Валерии Сергеевны как *идеополе*» [Там же, с. 25].

Значимость понимания моего видения феномена идеополя

Для меня как ученого бесконечно значимо понимание и признание моего видения феномена Великого идеополя общественного самосознания (сознания). Идея идеополя была рождена в процессе анализа той реальности, которая была образована полем общественного сознания и которая имела предтечи в плане ее прозрения и осознания мыслителями начиная с древнейших времен. В истории мысли мы находим достаточное количество попыток осмыслить ту реальность, которая пони-

Понятия-предтечи феномена идеополя общественного самосознания	малась как некая сущность, как вечные знания, концентрация мудрых затаенных истин [4, с. 34].
Понятие «мировое поле» побудило меня к созданию понятия «идеополе»	В истории, начиная с древних греков, просматривается движение в предчувствии и понимании предтеч и самого прояснения понимания идеи: учение Гераклита о <i>логосе</i> ; Гомера, Фалеса, Ксенофана и других о <i>нусе</i> ; Платона о первичной сущности <i>идеи</i> как <i>подлинно существа</i> , постигаемого разумом; Аристотеля, размышлявшего о <i>мировом поле</i> , или <i>мировом нусе</i> , который представляет собой актуально мыслящую вечность, где каждая чувственная вещь имеет свою идею.
Путь к созданию сверхидеи	Хочу обратить внимание на понятие «мировое поле» – оно побудило меня к созданию понятия «идеополе». Я совершенно самостоятельно отыскала для себя в большой объективной памяти человечества значения слов, помогающих раскрывать мое видение некой сущности, которую я назвала «Великое идеополе общественного самосознания» [Там же, с. 34–35]. Далее на многих страницах я обсуждала значения и смыслы сопряженных понятий для того, чтобы показать направление движений моих размышлений [Там же, с. 36–41]. Для меня было очевидно, что «процесс возникновение новых идей зависит от присущей отдельному человеку способности свободно перешагивать через сложившиеся взгляды и смело творить новые <i>сверхидеи</i> » [Там же, с. 887]. Сверх – составная часть сложных слов, обозначающая превышение в чем-либо предела, меры чего-либо. Согласно Вл. Далю, «сверх» – «выше чего-либо, превосходящего что». Понятие «сверхидея» я использую для того, чтобы показать, что <i>в истории философии и наук о человеке подчас рождаются идеи, которые становятся принципиальной основой мыслей, объясняющих условия развития и бытия личности.</i>
Сверхидея понятия «Великое идеополе...»	Для меня понятие «Великое идеополе общественного самосознания» является сверхидеей, проросшей сквозь множество предвосхищающих его понятий, сопряженных некоторым образом значениями и смыслами, частично налагающихся друг на друга по принципу кругов Леонарда Эйлера в отношении <i>конъюнкции</i> .
Необходимость в возрождении ряда понятий, рожденных на пересечении наук о человеке	Вслед за введением в контекст моего видения феномена личности значимого для науки понятия «Великое идеополе общественного самосознания» считаю необходимым возродить понятия, рожденные на пересечении философии и ряда наук о человеке, которые, ввиду их появления в XIX и в начале XX столетия, могли микшироваться временем и частично потеряться под прессин-

гом новых и тождественных прежде сформулированным мыслям текстов.

Обратимся к идеям, значимым для понимания феноменологии человека как личности. Вслед за Платоном и Аристотелем многие поколения мыслителей неустанно искали ответы на вопросы, связанные с постижением феномена человека.

Я не намерена делать обзор движения идей в этом направлении. Так сложилась история понимания феномена человека в моем Отечестве, что многие десятки лет наши философы и ученые, заинтересованные в понимании феномена человека, прежде всего апеллировали к видению его в философии К. Маркса и Ф. Энгельса. Во всяком случае, наша отечественная психология исходила из идей этих немецких мыслителей.

Феноменологическая сущность человека в мировоззрении К. Маркса и Ф. Энгельса

Прежде всего должно указать на тот факт, что Карл Маркс (1818–1883) создал философию, практическое приложение которой во многом способствовало переустройству духовного и политического образа мира. Своей законченной на тот исторический период формы, по мнению философов, материализм достиг в диалектическом материализме, разработанном Фридрихом Энгельсом (1820–1895).

И хотя К. Маркс и Ф. Энгельс не оставили специальных трудов по исследованию человека как личности, однако развитию человека, его социализации они посвятили многие свои философские работы. Человек в его уникальности – центральная идея этих философов [4, с. 230]. Можно сказать, что сам человек в уникальности своей социально-исторической природы вынашивал *сверхидею* о своей собственной природе, прорастающей в сфере долговременного интеллектуального постижения не сразу поддающейся ему истины.

Сущность человека – в совокупности всех общественных отношений

Следует не забывать положение К. Маркса о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность *всех* общественных отношений» (курсив мой. – В.М.) [5, с. 3]. К. Маркс и Ф. Энгельс размышляли о социальной сущности потребностей человека, полагая, что они развиваются в соответствии с *новыми способами производства*, определяя «новое проявление *человеческой* сущностной силы и новое обогащение человеческого существа» [6, с. 128].

Развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов

Марксизм стал анализировать человека, индивида как часть общества, как часть рода, утверждая, что «развитие индивида обусловлено развитием *всех* других индивидов... история отдельного индивида отнюдь не может

Социальная
реальность
в понимании
Э. Дюркгейма

быть оторвана от истории предшествующих или современных ему индивидов, а определяется ею» (курсив мой. – В.М.) [7, с. 440].

В то же время в другой стране, на другом языке о социальной сущности человека размышлял еще один глубокий ученый. Основатель французской социологии Эмиль Дюркгейм (1858–1915) полагал, что социальная реальность обладает самостоятельной характеристикой. Речь шла о совокупности социальных факторов, не сводимых только к физическим, психологическим, экономическим и другим факторам действительности.

Задаваясь вопросом о том, что такое социальный факт, Э. Дюркгейм еще в XIX веке отмечал важность того, что общество очень заинтересовано в том, чтобы все функции... человека отправлялись регулярно, а поведение соответствовало бы социальным ожиданиям [8, с. 69]. Ученый выражал уверенность в том, что «нам неизвестны детали налагаемых на нас обязанностей, и для того, чтобы узнать их, мы вынуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем *находит уже готовыми* верования и обряды своей религии; *если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его*» (курсив мой. – В.М.) [Там же]. Далее ученый утверждал: «Эти типы поведения или мышления не только находятся вне индивида, но и наделены *принудительной силой*, вследствие которой они *навязываются** ему независимо от его желания» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 69–70]. При этом Э. Дюркгейм уточнял, что «это *принуждение* мало или совсем не ощущается». На это обстоятельство следует обратить специальное внимание.

* Идея о принудительной силе условий и навязывании их каждому новому поколению была подхвачена и развита современниками, последователями Э. Дюркгейма – Л. Леви-Брюлем и Л.С. Выготским (1896–1934). Л. Леви-Брюль писал: «Язык навязывает себя» каждой личности, «он предшествует ей и переживает ее» [9, с. 9]. В то же время Л.С. Выготский, выделяя «высшие психические функции» и «высшие формы поведения», писал об их «вращивании» [10, с. 218, 219, 221] и о том, что они являются «продуктом исторического развития человечества» [Там же, с. 454]. В более позднем издании речь идет о «вращивании в культуру» или «в цивилизацию» [11, с. 19, 31, 291, 303, 327]. При этом Л.С. Выготский, помимо Л. Леви-Брюля, апеллировал к К. Бюлеру, который писал о столкновении природного и общественно-исторического [Там же, с. 292]. Л.С. Выготский также опирался на идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о социально-исторической сущности человека и «об изменении природы человеком» [Там же, с. 56, 80, 82, 146 и др.].

Значение
социальной
реальности
в понимании
О. Конта
и Л. Леви-Брюля

Идеи Э. Дюркгейма не оставили равнодушным Люсьена Леви-Брюля (1857–1939) – французского философа, социолога и этнографа [9, с. 107, 350, 351].

В то же время Л. Леви-Брюль ориентировался на мысль французского философа, основателя позитивизма и социологии Огюста Конта (1798–1857). Он писал: «Мысль, что *высшие умственные функции* должны изучаться при помощи сравнительного метода, то есть социологически, не нова. Огюст Конт ясно выразил эту идею в своем “Курсе положительной философии”^{*}, разделяя задачу изучения между биологией и социологией. Его знаменитая формула, согласно которой “не человечество следует определять, исходя из человека, а, напротив, человека – исходя из человечества”, означает, что высшие умственные функции остаются непонятными, если ограничиваться изучением отдельной личности» [Там же, с. 11]. Заметим, что Л. Леви-Брюль ввел понятие «высшие умственные функции» в своей работе “*Le surnaturel et la naturel dans la mentalite primitive*” (1931). Позже Л.С. Выготский (1896–1934) трансформировал понятие «высшие умственные функции» в понятие «высшие психические функции»^{**}.

Я полагаю, что для умственного развития последующих поколений ученых с целью расширения их познания чрезвычайно важно проследивать движение основополагающих идей в сферах Великого идеополя общественного самосознания [4, с. 34 и др.]

Э. Дюркгейм дал следующее определение: «*социальным фактором является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение...*» [8, с. 79].

Французский мыслитель также обращался к обсуждению теории среднего человека Л.А.Ж. Кетле, когда работал над своим социологическим этюдом о самоубийстве [13, с. 364–365].

Ламбер Адольф Жак Кетле (1796–1874), бельгийский математик и социолог, выдвинул понятие *среднего человека*, обладающего средними физическими, моральными и интеллектуальными характеристиками. Соглас-

* Позднее труд О. Конта был переведен как «Дух позитивной философии» [12].

** Монография Л.С. Выготского «Развитие высших психических функций» была написана в 1931 г. и впервые опубликована в 1960 г. [10]. В книге было представлено пять глав. Второе издание монографии под названием «История развития высших психических функций» (15 глав) вышло в 6-томном собрании сочинений (Т. 3). – М., 1983.

Идея об оказании
на индивида
социального
принуждения

Обсуждение теории
среднего человека

но его пониманию, *средний человек* – «существо отвлеченное, находящееся некоторым образом в состоянии равновесия между всеми личностями того же возраста» [14, с. 93]. При этом автор выражал уверенность, что «человек подчинен большим или меньшим отклонениям от среднего состояния, и колебания его около этой средней величины совершаются по общему закону, управляемому всеми колебаниями...», которые возникают под влиянием случайных причин [Там же, с. 94]. Э. Дюркгейм рассматривал идеи А. Кетле, прежде всего, в контексте проблемы самоубийства, опуская для себя всякие другие возможные социологические проблемы среднего человека.

Значение среды, в которой живет человек

А. Кетле в качестве проницательного социолога весьма определенно утверждал: «Среда, в которой он [человек. – *В.М.*] живет, семейные отношения, религия, в которой он воспитан, обязанности социального положения – всё это действует на его нравственную сторону» [Там же, с. 100].

Я полагаю, что именно моральная (и нравственная) позиция человека, ее целостность или ее ущербность (аморализм) предопределяют его судьбу.

Человек реально находится под влиянием условий

Будучи подчиненным множественности различных влияний, человек реально находится под прессингом условий – в окружении доминирующих ценностей, стереотипов поведения и эмоциональных реакций, а также под влиянием реалий, возникших в процессе исторического развития рода человеческого*.

Провозглашаемые окружающими ценности, демонстрируемые формы поведения и типичные для них реакции на возникающие ситуации выступают как типичные задаваемые условия, определяющие развитие личности и ее поведенческие реакции.

Идеи бихевиоризма

В тот же исторический период (конец XIX – первая половина XX столетия) американский психолог Дж. Б. Уотсон (1878–1958) стал основоположником нового направления психологии XX века – бихевиоризма [15]. Однако здесь следует отдать должное нашим отечественным ведущим ученым – тем, чьи идеи и результаты исследований легли в фундаментальную основу бихевиоральной психологии. Среди этой когорты Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) и Иван Петрович Павлов (1849–1936).

* Имеются в виду реалии предметного мира, природы, образно-знаковых систем и социально-нормативного пространства [4].

Связь между сигналами окружающего мира и центральной нервной системой человека (стимулы и реакции)

И.М. Сеченов установил тесную информационную связь между сигналами из окружающего мира и центральной нервной системой человека. Он настойчиво повторял: «Если на человека действует какое-нибудь внешнее влияние... то вытекающая из этого реакция (какое ни на есть мышечное движение) соответствует по силе внешнему влиянию» [16, с. 27]. Это откровение ученого относительно связи внешних стимулов и реакции организма (относительно S→R), неоднократно повторенное им не только в обсуждаемом великом труде, но и в ряде других работ, стало незамедлительно сверхидеей для И.П. Павлова и американских бихевиористов.

Значение мышечных ощущений, воплощенных в действии: от действия к мысли

Физиолог уделял много внимания не только анализу «инстинктивного стремления ребенка подражать» [Там же, с. 61, 73], но и началу развития ребенка на первых этапах после его появления на свет. Ученый внимательно исследовал «мышечное ощущение не только во времени, но и в пространстве» [Там же, с. 71]. Он дознался до понимания того, что движение мышц постепенно начинает «представляться сознанию» все более определенно [Там же, с. 72]. По сути, И.М. Сеченов сформировал идею «от действия к мысли». При этом он продуцировал свою идею и на самосознание человека: «Отделением в деле ощущения всего субъективного кладется начало самоощущению, самосознанию» [Там же, с. 75].

От эмоций и мыслей, от многообразия мозговой деятельности к мышечному движению

Ученый писал: *«Всё бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению – мышечному движению. Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге – везде окончательным фактом является мышечное движение»* (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 9]. И.М. Сеченов показал очевидную *возможность наблюдать и понимать* внутреннюю жизнь человека на всех этапах его развития и бытия через телесные проявления.

Эта четко сформулированная мысль была достаточно известна и прежде заинтересованным гениям наблюдательности и мышления: *до* и *после* великого физиолога. Однако заново рожденная в рамках научного исследования И.М. Сеченова идея о мышечном движении, возникающем в результате эмоции или мысли, по сути своей является значимой сверхидеей не только для физиологии, психологии, философии, но и для практики. Речь идет об уникальной универсальной *сверхидее*.

По существу, И.М. Сеченов соединил в неразрывном единстве две сущности: «от действия к мысли» и «от мысли к действию».

Ученый полагал, что «вопрос о полнейшей зависимости наипроизвольнейших из произвольных поступков от внешних и внутренних условий человека решен утвердительно. Отсюда же роковым образом следует, что *при одних и тех же внутренних и внешних условиях человека деятельность его должна быть одна и та же*» [16, с. 122–123].

Идеи И.М. Сеченова имели принципиальное значение *как* в разработке новых теорий в области физиологии мозга и теории познания, *так* и в американском бихевиоризме. Кроме того, идеи И.М. Сеченова, очевидно, опосредованно повлияли на образ мыслей французского психолога Анри Валлона (1879–1962)*.

Идеи о внешних условиях, воздействующих на человека

Идеи И.М. Сеченова о внешних условиях, воздействующих на человека, были не только восприняты отечественными и зарубежными мыслителями, сопряженными с ним в историческом времени. Эти идеи продолжают формировать самосознание ученых XXI столетия.

В то же время *идея о внутренних условиях* человека получила свое развитие в наше время. Я имею в виду идею реальности внутреннего пространства личности [4, с. 272–315], а также идею о внутренней позиции человека как личности [Там же, с. 793–832].

Учение о типах нервной системы

И.П. Павлов – физиолог, интересовавшийся и проблемами психологии. Он исследовал условные рефлексы животных, изучал психические реакции человека, создал учение о типах нервной системы, выдвинул идею об «охранительной и целевой роли торможения» [18]. Эта идея сегодня лежит в основе объяснения подхода к самосознанию и самовоспитанию человека как личности.

Условный рефлекс – реакция на внешние условия

И.П. Павлов посвятил изучению условных рефлексов животных многие годы. Ученый писал: «Условный рефлекс – это теперь отдельный физиологический термин, обозначающий определенное нервное явление...» [19, с. 516]. При этом он полагал, что «*постоянную связь внешнего агента с ответной на него деятельностью организма законно назвать безусловным рефлексом, а временную – условным рефлексом*» [Там же, с. 519].

* Напрашивается аналогия идей И.М. Сеченова и А. Валлона (см. Wallon Henri. De L'acte á la Pensée. Essai de psychologie compare. – Paris, 1942) [17].

Физиолог своими исследованиями показал, что «временная нервная связь есть универсальнейшее физиологическое явление в животном мире и в нас самих» [19, с. 520]. При этом «условная временная связь вместе с тем специализируется до величайшей сложности и до мельчайшей дробности как условных раздражителей, так и некоторых деятельностей организма...» [Там же].

Науки неизбежно приходят к пониманию значения внешних условий

В контексте погружения в проблему влияния условий на поведение я хочу обратить внимание на тот факт, что науки, заинтересованные в познании сущностной природы человека, приходят в конце концов к пониманию значения внешних условий.

Указывая на внешние условия и называя их *внешним агентом*, И.П. Павлов вслед за И.М. Сеченовым подтверждал их постоянную связь с реакцией организма. Таким образом, мы видим, что философия и разные науки – социология, физиология, психология и психиатрия – сопрягаются друг с другом по принципу пересечения (конъюнкции) кругов Л. Эйлера при обсуждении значимой для понимания человека проблемы влияния на его поведение условий общественной жизни.

Особое значение И.П. Павлов придавал чрезвычайной прибавке к механизмам нервной деятельности. Мыслитель специально обсуждал проблему взаимодействия первой и второй сигнальных систем. Он подчеркивал, что для человека, помимо первой сигнальной системы (общей у людей с животными), «слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов» [Там же, с. 527]. Ученый сделал особый акцент на том, что «именно слово сделало нас людьми» [Там же]. Несомненно, *слово для человеческого сообщества – значимая часть социальных условий, сигнал сигналов*. Человеки, общаясь друг с другом посредством слова, постоянно и безусловно воздействуют на себя, друг на друга в данный конкретный момент и в проекции на будущее.

Субъективный мир человека

В то же время следует указать на то, что И.П. Павлов уделял особое внимание *субъективному миру человека*. В кругу своих единомышленников он говорил, что «глупо было бы отрицать субъективный мир. Само собой разумеется, он, конечно же, есть... <...> Психология как изучение отражения действительности, как субъективный мир, известным образом заключающийся в общие формулы, – это, конечно, необходимая вещь. Благодаря психологии я могу себе представить сложности данного субъективного состояния» [20,

Объективная
психология
В.М. Бехтерева

с. 415–416]. И.П. Павлов глубоко рефлексировал на состояние своих подопечных, находящихся в клиниках, своих сотрудников и учеников, а также на свои собственные идеи относительно закономерностей физиологии и психологии человека. Физиолог по роду своей научной деятельности, И.П. Павлов проникал и в мир субъективных состояний человека.

Мы должны специально обратиться к еще одному глубокому исследователю влияния внешних условий на поведение человека. Владимир Михайлович Бехтерев (1857–1927) – русский невропатолог, физиолог, психолог и психиатр. Ученый разрабатывал свою объективную психологию как психологию поведения, которое, однако, определяется не только «совокупностью следов от органических рефлексов», но также и *внешними раздражениями*, в том числе и *социальными условиями* [21, с. 392].

В.М. Бехтерев рассматривал социальную сферу личности, полагая: «С развитием общественной жизни личная сфера человека не ограничивается только следами психорефлексов, состоящими в соотношении с органическими воздействиями, но в теснейшей связи с ними происходит и образование следов, обусловленных теми или другими отношениями, вытекающими из *условий общественной жизни*» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 392–393]. При этом здесь будет уместно указать, что ученый представлял сознание как целостное явление, особо выделяя в нем способность к самопознанию, предвидению человеком результатов своих действий. Личность человека ученый исследовал физиологическими и психологическими методами. В.М. Бехтерев объяснял личность «с объективной точки зрения»: «Личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями, – *индивид, представляющийся самостоятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям*»* [Там же, с. 393]. И вновь: внешние условия – психорефлексы, а также самостоятельность по отношению к внешним условиям.

Идеи о саморазвитии
и обучении
К. Бюлера

В то же время немецкий психолог Карл Бюлер (1879–1963) полагал, что хотя в основе психического развития лежат врожденные структуры (идея о саморазвитии), однако без упражнения (дрессуры), без обу-

* В.М. Бехтерев процитировал свои собственные суждения, отослав читателя к своему труду (*Бехтерев В.М. Личность и условия ее развития и здоровья.* – СПб., 1905. – С. 5).

чения природные задатки не могут раскрыться в полной мере. Психолог исходил из мысли, что для полноценного психического развития необходимо обучение.

Размышляя о начатках общей теории духовного развития, К. Бюлер задавался вопросом: «Что бы сказали прежние теоретики развития, например Аристотель или Гегель, о сообщенных в этой книге фактах и какие бы они из них сделали заключения? Аристотель нашел бы, что часть его теории ступеней в царстве органического утверждена и уточнена... А Гегель? Ему, пожалуй, понравилось бы трио: инстинкт, дрессировка, интеллект...» [22, с. 476].

Позитивный опыт диалога современных ученых с мыслителями прошедших времен

Полагаю, что в науке полезно не только рефлексировать на идеи уже ушедших мыслителей, но и попытаться, встав на их место и приняв их образ мысли, критически отнестись к идеям, рожденным в последующее время. Такой диалог мог бы оказаться полезным для развития как философии, так и других наук.

Психическая природа человека есть совокупность общественных отношений

Л.С. Выготский, исходя из идей Л. Леви-Брюля [9], его предшественников, идей К. Бюлера и известных положений К. Маркса и Ф. Энгельса о природе человека, писал: «...психическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности...» (курсив мой. – В.М.) [11, с. 146]*.

Историки психологии не раз обращали внимание на то обстоятельство, что конец XIX и первая половина XX столетия даровали науке немало продуктивных идей и сверхидей, объясняющих связи и зависимости предпосылок и условий развития, а также значение внутренней позиции человека по отношению к внешним условиям.

Каждый из названных выше мыслителей внес свою лепту (точнее – неопределимый вклад!) в идеи, прорастающие в сферах философии и наук, заинтересованных в позиции феномена человека как личности.

Идеи о вращении в культуру, обсуждаемые Л.С. Выготским

Мы полагаем, что следует специально остановиться на идеях Л.С. Выготского, которые он вынес как эстафету от своих предшественников и глубоко развил их. Психолог упорно обращался к проблеме высших функций и психологии культурного развития ребенка и подростка. При этом обсуждался факт «вращения подростка в культуру» [11, с. 19]. Солидаризируясь с

* В первом издании (История развития высших психических функций // Развитие высших психических функций. – М., 1960) речь шла о «психологической природе человека» [10, с. 198].

идеями предшественников, Л.С. Выготский подтверждал: «Врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания. Оба плана развития – естественный и культурный – совпадают и сливаются один с другим. Оба ряда изменений взаимопроникают один в другой и образуют, в сущности, единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка» [11, с. 31].

Проблема воспитания высших форм поведения

Обсуждая проблему воспитания высших форм поведения, Л.С. Выготский особо указывал на тот факт, что «культурное развитие поведения ребенка не идет по равномерно поднимающейся вверх кривой.

<...>

Очень долго за основу развития принимались растительные процессы развития с их наиболее элементарными отношениями между организмом и средой. На этом основании процессы вставания ребенка в культуру вообще не рассматривались как процессы развития. На них глядели чаще как на процесс простого механического усвоения ряда навыков или приобретения ряда знаний» [Там же, с. 291].

Проблема культурного возраста

Л.С. Выготский особо выделял проблему культурного возраста. При этом он указывал: «Как интеллектуальный, так и культурный возраст не являются хронологическими понятиями» [Там же, с. 302]. Л.С. Выготский исходил из предположения о том, что «культурное развитие ребенка представляет собой особый тип развития, иначе говоря, процесс вставания ребенка в культуру не может быть, с одной стороны, отождествлен с процессом органического созревания, а с другой – не может быть сведен к простому механическому усвоению известных внешних навыков. Если встать на точку зрения, что культурное развитие, как и всякое другое, подчинено своей закономерности, имеет свои внутренние рамки, свои стадии, то вполне естественной оказывается проблема культурного возраста ребенка» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 303].

Далее Л.С. Выготский заключил: «Итак, культурным возрастом ребенка мы будем называть ту стадию культурного развития ребенка, которой он примерно достиг, и будем соотносить культурный возраст, с одной стороны, с паспортным возрастом, а с другой – с интеллектуальным возрастом» [Там же, с. 305].

Генотип – социум – внутренняя позиция

В своей монографии, посвященной феномену личности, я обобщила и выразила через свое индивидуальное видение идеи, которые прорастали во времени дви-

жения наук о человеке относительно факторов, определяющих развитие и бытие человека как личности: I – предпосылки развития (генотип); II – социум как условие развития и бытия личности (речь идет о внешних реалиях развития и бытия личности): 1) реальность предметного мира; 2) реальность образно-знаковых систем; 3) природная реальность; 4) реальность социально-нормативного пространства); III – внутренняя позиция личности [4].

Человек как результат взаимодействия трех факторов, определяющих его развитие

Я исходила из понимания того, «что человек является одновременно результатом своего генотипа и творцом собственного личностного развития на протяжении всей жизни. От активной позиции самого человека во многом зависит его реальный успех.

...Если в начале развития ребенка поддерживает онтогенетически обусловленная *сензитивность* к воздействиям, высокая подражательность и обучаемость, то позже развитие будет определяться *самосознанием* и *внутренней позицией* самого человека» [Там же, с. 368].

Человек – творение, создаваемое реалиями пульсирующих полей общественного сознания

Я пришла к мысли, что «человек есть творение, создаваемое реалиями развивающихся, пульсирующих полей общественного сознания. <...> ...настало время вкуже с биологическими предпосылками, определяющими генотип, жизнь и смерть человека как природного существа, рассматривать человека в контексте его развития, жизни и смерти в Великом поле общественного сознания и в поле его индивидуального самосознания. В этой связи будет правильным говорить о *двух уровнях жизни: уровне биологическом и уровне психосоциальном – Великом поле общественного и личностного сознания*. В этом случае для нас, людей, может оказаться продуктивной мысль о том, что можно быть живым на уровне обмена веществ, в биологическом плане, но *не пробужденным*... в плане психосоциального погружения в пульсирующее поле общественного и индивидуального, личностного сознания» [Там же, с. 369].

Условия развития и бытия личности

Конечно же, человек появляется на свет, прежде всего, как природное существо, которое, попав в социальные условия своего развития и бытия, претерпевает воздействия со стороны социально-психологической реальности. Однако в процессе исторического развития человечества постепенно каждое новое поколение обрело потенциал результатов и исторического развития.

При обсуждении проблемы развития личности я испытала потребность обратиться к идеям, объясняющим влияние факторов, определяющих психическое развитие и развитие личности в зависимости от усло-

вий, предпосылок и внутренней позиции каждого конкретного человека.

О сущности человека как личности

Резюмируя результаты нашего обзора идей о сущности человека как личности, полагаю полезным сконцентрировать основные понятия, которые были порождены глубокими мыслителями в конце XIX – начале XX столетия.

Прежде всего следует упомянуть идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что человек «делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. *Его жизнедеятельность – сознательная... <...> ...он есть сознательное существо*, то есть его собственная жизнь является для него предметом именно лишь потому, что он есть родовое существо [6, с. 93] (курсив мой. – В.М.).

Методологическая основа советских наук о человеке

Идеи К. Маркса и Ф. Энгельса в начале XX столетия легли в основу отечественных философии, педагогики, психологии и других отраслей знаний, заинтересованных в понимании развития и бытия человека как личности.

Советский философ и психолог Сергей Леонидович Рубинштейн (1899–1960) свою жизнь отдал построению методологических основ психологии как науки (в 1934 г. он опубликовал принципиально значимый тогда труд «Проблемы психологии в трудах К. Маркса»).

В 1935 г. ученый издал работу «Основы психологии» [23], а позже в предисловии к первому изданию труда «Основы общей психологии» заявил об актуальных проблемах психологии на том этапе развития науки [24, с. 3–4]. Первое издание этого фундаментального труда было удостоено Сталинской премии.

Идеи понимания проблем развития личности

По сути, С.Л. Рубинштейн первым в нашей стране опубликовал свои идеи относительно понимания проблем развития личности и сознания, а также проблем взаимообусловленности развития и обучения. В предисловии ко второму изданию своих «Основ общей психологии» философ-психолог писал: «С новой остротой и значительностью встает вопрос о человеке, о мотивах его поведения и задачах его деятельности, о его сознании – не только теоретическом, но и практическом, моральном – в его единстве с деятельностью, в ходе которой человек не только познаёт, но и преобразует мир» [25, с. 4].

Следует специально указать на тот факт, что С.Л. Рубинштейн одним из первых психологов выстраивал свое понимание феномена человека через признание и утверждение идей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Сознание как продукт социально-исторического развития

В то время С.Л. Рубинштейн выразил свое согласие с Э. Дюркгеймом, указав на попытку понять развитие форм человеческого сознания как продукт социально-исторического развития и на то, что сводится к идеологическому [24, с. 65, 402, 528]. Что касается идей Л. Леви-Брюля, то отечественный психолог обратил особое внимание на то, что «специфический для каждой общественной формации характер психики является продуктом воздействия коллектива; всю психику индивида определяют “коллективные представления”, которые в него внедряются обществом» [25, с. 152]. При этом следует, однако, указать, что С.Л. Рубинштейн, солидаризируясь со своими зарубежными современниками по ряду принципиальных позиций, в то же время выражал и свое несогласие с некоторыми толкованиями явлений, которые он назвал «необъяснимым парадоксом» [Там же, с. 153].

С.Л. Рубинштейн пристально следил и за развитием научных идей отечественных психологов

В своих «Основах общей психологии» С.Л. Рубинштейн указал на теорию «культурного развития высших психических функций» Л.С. Выготского, разработанную им совместно с группой сотрудников» [Там же, с. 83]. С.Л. Рубинштейн писал также, что Л.С. Выготский сделал попытку разрешить проблему развития и обучения, указав на их взаимосвязь и отмечая ведущую роль обучения. Фундаментальные труды Л.С. Выготского к тому времени еще не были опубликованы и пока находились лишь в рукописном виде, однако С.Л. Рубинштейн внимательно наблюдал за развитием новых идей отечественных психологов. В это время он разрабатывал свои идеи относительно двух уровней познавательных процессов, значения для человека разных видов деятельности, личности, ее самосознания и жизненного пути. Он настоятельно повторял: «ребенок развивается, воспитываясь и обучаясь», а взрослый «развивается трудясь» [Там же, с. 155].

С.Л. Рубинштейн шел в избранном им самим направлении, опираясь на идеи классиков марксизма и самостоятельно формируя свои собственные идеи.

Что касается видения сути понятия личности, то ученый с самого начала стремился к точному определению феномена личности.

Определение феномена личности: поиски истины

Философ и психолог, С.Л. Рубинштейн определял личность как «конкретный, исторический, живой индивид, включенный в реальные отношения к реальному миру» [Там же, с. 676]. Далее он продолжал: «Человек является личностью, лишь поскольку он выделяет себя из природы, и отношение его к природе и к другим

Соотнесение
понятий «личность»
и «самосознание»

людям дано ему как отношение, то есть поскольку у него есть сознание...» [25, с. 676].

С.Л. Рубинштейн выражал уверенность в том, что «вопрос, который встает перед нами в плане психологического изучения личности, это вопрос о ее *самосознании*, о личности как “я”, которое в качестве субъекта сознательно присваивает себе всё, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки и сознательно принимает на себя за них ответственность в качестве их автора и творца» [Там же, с. 676–677]. Ученый полагал, что источник самосознания следует искать в самостоятельности самого человека: «Подлинный источник и движущие силы развития самосознания нужно искать в растущей реальной самостоятельности индивида, выражающейся в изменении его взаимоотношений с окружающими. <...>

Реальная, не мистифицированная история развития самосознания неразрывно связана с реальным развитием личности и основными событиями его жизненного пути» [Там же, с. 677].

Личность относится
определенным
образом
к окружающему

Нельзя не согласиться со следующей мыслью С.Л. Рубинштейна: «Личностью является лишь человек, который *относится* определенным образом к окружающему, сознательно устанавливает это свое отношение так, что оно выявляет во всем его существе.

Подлинная личность определенностью своего отношения к основным явлениям жизни заставляет и других самоопределиться» [Там же, с. 679].

И, наконец, принципиально значимый для понимания феномена личности постулат: «Личностью... человек не рождается; личностью он становится» [Там же, с. 682]. По существу, речь идет об овладении собой. Для меня лично эта мысль не вызывает сомнения, а вступать в дискуссии с имеющими иное мнение я вообще не склонна: полагаю, каждый ученый имеет право (для меня, прежде всего, должен!) прояснять для себя не спонтанно избранный путь и пытаться в меру своих возможностей честно идти избранным путем.

Личность
формируется
во взаимодействии
с окружающим
миром

Особое значение для понимания сущности человека как личности, его развития и становления является идея, перекликающаяся с мыслью Э. Дюркгейма о влиянии социальной реальности на человека и представляющая в качестве «принудительной силы» [8, с. 69]. Социальной реальности и индивидуальной истории личности С.Л. Рубинштейн придавал особое значение.

Размышляя о личности в контексте своего знаменательного труда «Человек и мир», обсуждая теоретиче-

ские вопросы психологии и проблему личности, С.Л. Рубинштейн ассимилировал идеи своих гениальных предшественников. Четко и однозначно он сформулировал свое видение социально-психологической сути личности: «При объяснении любых психологических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия...» [26, с. 241].

Индивидуальная история развития личности, согласно видению С.Л. Рубинштейна, обусловлена «соотношением специфических для нее внешних и внутренних условий. В силу этого одни и те же внешние условия (например, условия жизни и воспитания для двух детей в одной семье) по существу, по своему жизненному смыслу для индивида оказываются различными (курсив мой. – В.М.). <...>

Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности* – это не одно и то же, что *личностные свойства* индивида, то есть свойства, характеризующие его как личность» [Там же, с. 242].

У С.Л. Рубинштейна идея развития личности выражается следующим образом: «Личность формируется во взаимодействии, в которое человек вступает с окружающим миром. Во взаимодействии с миром, в осуществляемой им деятельности человек не только проявляется, но и формируется» [Там же, с. 244].

Собственно в этом же направлении рассуждал и Л.С. Выготский, который полагал, что «история практического интеллекта тесно связана не только с овладением природой, но и с овладением собой» (курсив мой. – В.М.) [27, с. 84]. И далее он развивал свое суждение: «Жизнь во времени, культурное развитие, труд – всё, отличающее в психологической сфере человека от животного, теснейшим образом связано с тем фактом, что параллельно с овладением внешней природой в процессе исторического развития человека шло овладение собой, своим собственным поведением» (курсив мой. – В.М.) [Там же, с. 85].

В этой связи нельзя не вспомнить мысль Федора Михайловича Достоевского (1821–1881) о том, что «сделаться человеком нельзя разом, а надо выделаться в человека» (курсив мой. – В.М.) [28, с. 47]. Выделаться – сделать себя, приобрести путем приложения усилий желаемые качества. При этом тех, кто не знает дисциплины и кто не побуждается к тому, чтобы

Значимое достижение в развитии человека – овладение собой

Ценность
умеренности
в проявлениях
человека

«выделаться», писатель-философ называл «недоделанными» людьми.

Еще одна идея прорастает к нам, сегодняшним, из глубин тысячелетий. Платон и Аристотель неоднократно указывали на ценность *умеренности* в проявлениях человека, или так называемой *середины*.

Человечество должно с благодарностью внимать древним философам, идеи которых продолжают довлеть и сегодня над нашими умами и сердцами.

Долговременная, продолжающаяся в тысячелетиях жизнь идей поражает воображение человека, который соприкоснулся с этим феноменом.

Так, например, Аристотель в своих суждениях о значении умеренности писал: «...недостаточность и чрезмерность принадлежат к одному и тому же роду, ведь и то и другое принадлежит к злу, а *умеренность*, будучи *средним* между ними, принадлежит не к злу, а к благу» [29, с. 417].

Держащийся
середины
заслуживает
похвалы

Обсуждая в другом своем произведении позитивную сторону середины, Аристотель рассматривал ее через соотнесение лжи и правды: «Обман сам по себе дурен и заслуживает осуждения, а правда прекрасна и заслуживает похвалы. Так и правдивый человек как *держась середины* заслуживает похвалы, а обманывающий – безразлично в какую сторону – заслуживает осуждения...» (курсив мой. – В.М.) [30, с. 140].

Суждения Аристотеля подводят нас к пониманию, что держаться середины и придерживаться в своих проявлениях умеренности по сути своей – долг всякого достойного человека.

Внимать
услышанному или
прочитанному
и умирать свои
страсти

Спустя тысячелетия христианские мыслители воспевали добродетель умеренности: «умерять строгость» заповедовал в своих посланиях апостол Павел (Еф. 6:9).

За способностью умерить свои страсти лежат *смирение* (Притч. 15:33, 18:12, 22:14; Лк. 1:48) и *смиреномудрие* (Соф. 2:3; Деян. 20:19; 1 Пет. 5:5).

Идеи греческих философов и православных христианских мыслителей сподвигли философов последующих времен к продолжению – размышлять далее над обсуждаемыми проблемами.

Призыв
к умеренности
как благу

Так, Иммануил Кант (1724–1804), немецкий философ, обсуждая долг и обязанности человека перед самим собой [31, с. 458–470], призывал к умеренности как благу и порицал неумеренность, которая в наслаждении «помимо чисто физического удовольствия имеет нечто направленное на *цель*, а именно держит многих людей и на долгое время во взаимном общении» [Там же, с. 471].

Согласно И. Канту, именно неумеренность побуждает «к нарушению долга перед самим собой» [31, с. 471].

Размышляя об обязанностях добродетели по отношению к другим людям, И. Кант полагал: «Умеренность в притязаниях вообще, то есть добродетельное ограничение себялюбия человека себялюбием других, называется скромностью. Отсутствие такой умеренности (нескромность) в отношении достоинства быть любимым другими называется самолюбием... Нескромность же притязания на уважение со стороны других есть самомнение. Уважение, которое я питаю к другим или которое другие могут потребовать от меня, есть, следовательно, признание достоинства в другом человеке...» [Там же, с. 509].

Смирение как сознание и чувство моральной ответственности

И. Кант подробно обсуждал проблему сущности и ценности смирения. Он полагал: «Сознание и чувство ничтожности своей моральной ценности при сравнении с законом есть смирение. Уверенность в величии этой моральной ценности... называется моральной гордостью. Отказ от всяких притязаний на моральную ценность самого себя в убеждении, что именно этим можно приобрести скрытую ценность, есть нравственно ложное раболепие» [Там же, с. 479].

Мы постигаем моральные отношения человека к человеку

Заклучая свой труд, посвященный метафизике нравов, И. Кант, писал: «...в этике как чистой практической философии внутреннего законодательства мы постигаем лишь моральные отношения человека к человеку; вопрос же о том, каково отношение между человеком и Богом, полностью выходит за пределы этики и абсолютно для нас непостижим...» [Там же, с. 540].

Целый ряд идей философии трансформируется со временем в слова, которые становятся знаковыми в пределах обыденной речи

Для меня стало откровением, что целый ряд идей древних философов и философов более поздних времен трансформируется со временем в особые слова, значения и смыслы которых неким (непосредственным или опосредованным) образом переходят в языки народов мира. Конечно, я рассматриваю это движение идей, развернутых философами, в рамках родного мне русского языка.

Внимать другому и умирать себя

Более ста лет тому назад наш русский собиратель и толкователь значений и смыслов слов – гениальный Владимир Даль (1801–1872) не миновал своим глубоким интересом таких значимых для нравственных ориентиров человека понятий, как *внимать* и *умирать*.

Согласно Вл. Далю, «внимать, внять чему, внимаю и внемлю... сторожно слушать, прислушиваться, жадно поглощать слухом, усваивать себе слышанное

или читанное, устремлять на это мысли и волю свою...» [32, с. 216].

«Умирать, – в значениях и смыслах разумения Вл. Даля, – *умирить, умиротворить*, мирить, примирить, смирить, утишить, успокаивать, укрощать...» [33, с. 493].

Согласно Вл. Далю, «*смирать, смирить* кого, усмирить, укрощать или обуздывать, отвадив от дикости, сделать кротким, покорным, послушным; приводить в покорность, лишать природной дикости, зверства, своеволия, самонадеянности» [34, с. 245].

Понятия-идеи, рожденные философами, вырастают в сферы Великого идеополя

Для нас, наследников великорусского языка, становится очевидным, что понятия, рожденные как древнегреческими философами, так философами последующих времен, вырастая в сферы *Великого идеополя общественного самосознания*, реально уходят из конкретного исторического места и конкретного времени, где они были рождены в качестве откровений, в качестве идей, подчас прорастают в сознании не только последующих мыслителей, но и народов в словах, значения и смыслы которых в лаконичном своем выражении начинают входить в словник, в большой словарь конкретного языка.

Человечество несет в себе потенциал бесконечного духовного развития

Сегодня философы и ученые подчас возвращаются к рожденным однажды идеям и словам-понятиям, пришедшим в наше время от мыслителей прежних времен, и вдохновенно продолжают размышлять, развивая рожденные прежде идеи. Тем самым человечество, во-первых, проникает вглубь открывающихся ему затаенных феноменов, во-вторых, развивает потенциал духовных личностных возможностей человека. Так, в контексте обсуждения значимых идей, дарованных нам мыслителями, особое значение я хочу придать слову «все (всех)», которое не единожды использовалось К. Марксом и Ф. Энгельсом, как я полагаю, в качестве знакового понятия (см. выше, с. 97). Слово «все (всех)» перерастает в контексте видения философов в значимое обобщающее понятие, несущее в себе особое значение и особый смысл: «все – сколько есть, сполна, без остатка».

Обсуждаемые в контексте настоящей работы значимые идеи не должны быть потерянными в сферах Великого идеополя общественного самосознания, а должны продолжать свое развитие и в настоящее время лечь в основу современного понимания проблем развития личности в науке, практике и политике управленческих структур образования и науки Российской Федерации.

1. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург, 2007.
2. *Петровский В.А.* Рецензия на справку к докладу академика РАО В.С. Мухиной на тему «Концепция феномена личности» // Развитие личности. – 2009. – № 3. – С. 8–12.
3. *Петровский В.А.* Идеопол: Опыт персонологического прочтения (к 80-летию В.С. Мухиной) // Развитие личности. – 2015. – № 1. – С. 21–29.
4. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 4-е изд., испр. и доп. – М., 2014.
5. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 45 т. Т. 3. – 2-е изд. – М., 1955. – С. 1–4.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 45 т. Т. 42. – 2-е изд. – М., 1974.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 45 т. Т. 3. – 2-е изд. – М., 1955.
8. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – 3-е изд., доп. и испр. / пер. с фр. А. Гофмана. – М., 2008.
9. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении : пер. с фр. – М., 1994. – (Серия «Психология: Классические труды»).
10. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Развитие высших психических функций (Из неопубликованных трудов). – М., 1960. – С. 13–231.
11. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. – М., 1983. – (Акад. пед. наук СССР). – С. 5–328.
12. *Конт О.* Дух позитивной философии. – СПб., 1910.
13. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд : пер. с фр. – СПб., 1998.
14. *Кетле А.* Социальная система и законы, ею управляющие : пер. с фр. – 2-е изд. – М., 2012. – (Из наследия мировой социологии).
15. *Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении : пер. со 2-го, доп. и перераб. англ. издания. – Одесса: Гос. изд-во Украины, 1926.
16. *Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга // Избранные произведения: в 2 т. Т. I: Физиология и психология. – М., 1952. – С. 7–127.

17. Валлон А. От действия к мысли. Очерк сравнительной психологии : пер. с фр. – М., 1956.
 18. Павлов И.П. Избранные произведения. – М., 1949.
 19. Павлов И.П. Условный рефлекс // Избранные произведения. – М., 1949. – С. 516–532.
 20. Павловские среды: протоколы и стенограммы физиологических бесед: в 3 т. Т. II. Стенограммы 1933–1934 гг.
 21. Бехтерев В.М. Объективная психология. – М., 1991.
 22. Бюлер К. Духовное развитие ребенка : пер. с 3-го нем. изд. – М., 1924.
 23. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. – М.; Л., 1935.
 24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М., 1940.
 25. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1946.
 26. Рубинштейн С.Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. – 2-е изд. – М., 1976.
 27. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. Научное наследство. – М., 1984. – (Акад. пед. наук СССР).
 28. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 год. Январь – август // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 25. – Л., 1983.
 29. Аристотель. Тошика // Соч.: в 4 т. Т. 2. – М., 1978. – С. 347–531.
 30. Аристотель. Никомахова этика // Соч.: в 4 т. Т. 4. – М., 1984. – С. 53–293.
 31. Кант И. Метафизика нравов // Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. – М., 1994. – С. 224–456.
 32. Даль Вл. Внимать // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. А–З. – М., 1981. – С. 216.
 33. Даль Вл. Умирать // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р–V. – М., 1982. – С. 493.
 34. Даль Вл. Смирять // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Р–V. – М., 1982. – С. 245.
-